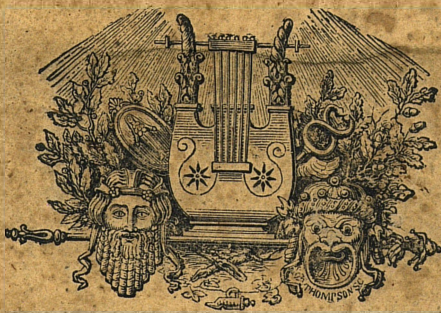


КАВКАЗСКІЙ  
ПЛѢННИКЪ,  
ПОВѢСТЬ.

Соч. А. ПУШКИНА.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1 8 2 2.

**КАВКАЗСКІЙ  
ПЛЪННИКЪ.**



*Е. Лейтмановъ*

## АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ

*Из электронной библиотеки Пушкинского Дома*

КАВКАЗСКІЙ  
ПЛЪННИКЪ,

П О В Ъ С Т Ъ .

---

Соч. А. Пушкина.

---

САНКТПЕТЕРБУРГЪ ,

---

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

---

1 8 2 2 .

**ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.**

**Въ Санктпетербургѣ, 12 Іюня 1822 года.**

*Цензоръ Александръ Бирюковъ.*

## Н. Н. РАЕВСКОМУ.

**Прими съ улыбкою, мой другъ,  
Свободной Музы приношенье.**

**Тебѣ я посвящилъ пустынной лиры пѣнье  
И вдохновенный свой досугъ.**

**Когда гроза и вихрь мой чолнъ о камни били,  
Я при тебѣ еще спокойство находилъ;  
Я сердцемъ опдыхалъ; другъ друга мы любили:  
И бури надо мной свирѣпость упомини;  
Я, въ мирной приспани, боговъ благословилъ.**

**Во дни печальные разлуки**

**Мои задумчивые звуки**

**Напоминали мнѣ Кавказъ,**

**Гдѣ пасмурный Бешшу', пустынный величавый,**

**Дуловъ' и полей власшипель пяшиглавый,**

Быль новый для меня Парнасъ.  
Забуду ли кремнистыя вершины,  
Гремучіе ключи, увядшія равнины,  
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной  
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья;  
Гдѣ рыскаешь въ горахъ воинспвенный разбой,  
И дикій геній вдохновенья  
Таится въ щелихъ глухой!  
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,  
Бышь можешь, милыхъ сердцу дней,  
Противурѣчія спросишь,  
Мечты знакомыя, знакомыя спрданья,  
И тайный гласъ души моей.

Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя  
Едва, едва разцвѣлъ, и въ слѣдъ опца-героя

**Въ поля кровавья, подъ шучи вражьихъ спрѣль,  
Младенецъ избранный, шы гордо полешѣль;  
Ошечество шебя ласкало съ умиленьемъ,  
Какъ жершву милую, надежды вѣрный цвѣшь.  
Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣшь!**

**Но сердце укрѣпивъ шерпѣньемъ,  
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней;  
И счастье друзей  
Мнѣ было сладкимъ унѣшеньемъ.**

---





---

## ЧАСТЬ I.

Въ ауль, на своихъ порогахъ  
Черкесы праздные сядяпъ.  
Сыны Кавказа говоряпъ  
О бранныхъ, гибельныхъ превогахъ,  
О красотѣ своихъ коней,  
О наслажденьяхъ дикой нѣги;  
Воспоминаюпъ прежнихъ дней  
Неопразимые набѣги,  
Обманы хитрыхъ Узденей,<sup>3</sup>  
Удары шашекъ<sup>4</sup> ихъ жестокихъ,  
И мешкоспъ неизбѣжныхъ спирѣль,  
И мепель разоренныхъ сель,  
И ласки пѣвницъ черноокихъ.

Текушь бесѣды въ пишинѣ;  
Луна плывесть въ ночномъ шуманѣ:  
И вдругъ предъ ними на конѣ  
Черкесь. Онъ быспро на арканѣ  
Младаго плѣнника влачилъ.  
Вошь Русской! хищникъ возопилъ.  
Ауль на крикъ его сбѣжался  
Ожеспоченною шолпой;  
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,  
Съ обезображенной главой,  
Какъ шрупъ, недвижимъ оспавался.  
Лица враговъ не видишь онъ,  
Угрозъ и криковъ онъ не слышишь;  
Надъ нимъ лепаетъ смерпный сонъ,  
И холодомъ плешворнымъ дышишь.

И долго плѣнникъ молóдой  
Лежалъ въ забвеніи сяжеломъ.  
Ужь полдень надъ его главой  
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;  
И жизни духъ проснулся въ немъ,  
Невняшный спонъ въ устахъ раздался;

Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,  
Несчастный пихо приподнялся;  
Кругомъ обводишь слабый взоръ....  
И видишь неприсупныхъ горъ  
Надъ нимъ воздвигнулась громада,  
Гнѣздо разбойничьихъ племень,  
Черкеской вольности ограда.  
Вспомнилъ юноша свой плѣнь,  
Какъ сна ужаснаго превоги,  
И слышишь, загремѣли вдругъ  
Его закованныя ноги....  
Все, все сказалъ ужасный звукъ;  
Запмилась передъ нимъ природа.  
Проспи, священная свобода!  
Онъ рабъ.

За саклями<sup>5</sup> лежишь  
Онъ у колючаго забора.  
Черкесы въ полѣ, нѣшь надзора,  
Въ пуспомъ аулѣ все молчишь.  
Предъ нимъ пуспынныя равнины  
Лежашъ зеленой пеленой;

Тамъ — холмовъ шпануся грядой  
Однообразныя вершины;  
Межъ нихъ уединенный пупъ  
Въ дали шеряешя угрюмой —  
И плѣнника младаго грудь  
Тяжелой взволновалась думой.

Въ Россію дальній пупъ ведешъ,  
Въ спрану, гдѣ пламенную младость  
Онъ гордо началъ безъ заботъ;  
Гдѣ первую позналъ онъ радость,  
Гдѣ много милаго любилъ,  
Гдѣ обнялъ грозное спранье,  
Гдѣ бурной жизнью погубилъ  
Надежду, радость и желанье, —  
И лучшихъ дней воспоминанье  
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

. . . . .  
. . . . . \*

\* Какъ это мѣсто, такъ и другія, означены точками самимъ Сочинителемъ. —

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,  
 И зналъ невѣрной жизни цѣну.  
 Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,  
 Въ мечтахъ любви — безумный сонъ,  
 Наскуча жершвой бытъ привычной  
 Давно презрѣнной суебы,  
 И непріязни двуязычной,  
 И просподушной клеветы,  
 Ошпунникъ свѣта, другъ природы,  
 Покинулъ онъ родной предѣлъ  
 И въ край далекій полешѣлъ  
 Съ веселымъ призракомъ свободы.  
 . . . . .  
 . . . . .

Свершилось! цѣлью упованья  
 Не зришь онъ въ міръ ничего.  
 И вы, послѣднія мечпанья,  
 И вы сокрылись отъ него.  
 Онъ рабъ. — Склонясь главою на камень,  
 Онъ ждетъ, чѣмъ съ сумрачной зарей  
 Погасъ печальной жизни пламень  
 И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужь меркнешь солнце за горами;  
Въ дали раздался шумный гуль;  
Съ полей народъ идешь въ ауль,  
Сверкая свѣшлыми косами.  
Пришли, въ домахъ зажглись огни,  
И поспешенно шумъ неспройной  
Умолкнуль; все въ ночной тиши  
Обьяшо нѣгою спокойной;  
Въ дали сверкаешь горный ключь,  
Сбѣгая съ каменной спремнины;  
Одѣлись пеленою пучь  
Кавказа спящія вершины....  
Но кто, въ сіяніи луны,  
Среди глубокой тишины  
Идешь, украдкою сшупая?  
Очнулся Русской. Передь нимь,  
Съ привѣшомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,  
Споишь Черкешенка младая.  
На дѣву, молча, смопришь онь,  
И мыслишь: эшо лживый сонь,  
Успалыхъ чувствъ игра пусная.  
Луною чухъ озарена,

Съ улыбкой жалости оправдой  
Кольна преклонивъ, она  
Къ его усшамъ кумысь <sup>6</sup> прохладной  
Подносишь пихою рукой. —  
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;  
Онъ ловишь жадною душой  
Пріятной рѣчи звукъ волшебный  
И взоры дѣвы молодой.  
Онъ чуждыхъ словъ не понимаешь;  
Но взоръ умильный, жаръ ланишь,  
Но голосъ нѣжный говоришь:  
Живи! и пупникъ оживаетъ.  
И онъ, собравъ оспашокъ силъ,  
Велѣнью милому покорной,  
Привспаль — и чашей благошворной  
Томленье жажды уполилъ.  
Попомъ на камень вновь склонился  
Опягощенною главой;  
Но все къ Черкешенкѣ молодой  
Угасшій взоръ его спремился.  
И долго, долго передъ нимъ  
Она, задумчива, сидѣла;



Какъ бы учаспiемъ нѣмымъ  
Ушѣшимъ плѣнника хопѣла;  
Успа невольно каждый часъ  
Съ начасой рѣчью опкрывались;  
Она вздыхала, и не разъ  
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ пѣнь.  
Въ горахъ, окованный, у спада  
Проводишь плѣнникъ каждый день.  
Пещеры темная прохлада  
Его скрываетъ въ лѣпнiй зной;  
Когда же рогъ луны сребрисшой  
Блеснешъ за мрачною горой,  
Черкешенка, пропой пѣнисшой,  
Приносишь плѣннику вино,  
Кумысь, и ульевъ сошь душисшой,  
И бѣлоснѣжное шшено.  
Съ нимъ шайный ужинъ раздѣляешъ;  
На немъ покоишь нѣжный взоръ;  
Съ неясной рѣчию сливаетъ  
Очей и знаковъ разговоръ;

Поешь ему и пѣсни горь,  
И пѣсни Грузіи счастливой,<sup>7</sup>  
И памяти неперѣливой  
Передаешь языкъ чужой.  
Впервые дѣвственной душой  
Она любила, знала счастье;  
Но Руской жизни молодой  
Давно утратили сладострастье:  
Не могъ онъ сердцемъ оплѣчь  
Любви младенческой, открытой —  
Быть можешь, сонъ любви забытой  
Боялся онъ воспоминашь.

Не вдругъ увянешь наша младость,  
Не вдругъ воспорги бросаешь насъ,  
И неожиданную радость  
Еще обнимемъ мы не разъ:  
Но вы, живыя впечатлѣнья,  
Первоначальная любовь,  
О первый пламень упоенья!  
Не прилещаете вы вновь.

Казалось — плѣнникъ безнадежный  
Къ унылой жизни привыкаль.  
Тоску неволи, жарь мятежный,  
Въ душѣ глубоко онъ скрываль.  
Влачась межъ угрюмыхъ скаль,  
Въ часъ ранней, упренней прохлады,  
Ошановляль онъ долго взоръ  
На опдаленныя громады  
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.  
Великолѣпныя каршины!  
Прешолы вѣчныя снѣговъ!  
Очамъ казались ихъ вершины  
Недвижной цѣпью облаковъ,  
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,  
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,  
Эльбрусъ огромный, величавый,  
Бѣлѣль на небѣ голубомъ.<sup>8</sup>  
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,  
Предшеча бури громъ гремѣль,  
Какъ часпо плѣнникъ надъ ауломъ,  
Недвижимъ, на горѣ сидѣль!  
У ногъ его дымились шучи

Въ степи взвивался прахъ лепучій;  
Уже приюша между скаль  
Елень испуганный искаль;  
Орлы съ ушесовъ подымались  
И въ небесахъ перекликались;  
Шумъ шабуновъ, мычанье спадъ  
Ужь гласомъ бури заглушались...  
И вдругъ на дома дождь и градъ  
Изъ пучь сквозь молній извергались.  
Волнами роя крушизны,  
Сдвигая камни вѣковые,  
Текли попоки дождевые —  
А плѣнникъ, съ горной вышины,  
Одинъ, за пучей громовою,  
Возвраща солнечнаго ждалъ,  
Недосягаемый грозою,  
И бури немощному вою  
Съ какой-шо радостью внималъ.

Но Европейца все вниманье  
Народъ сей чудный привлекаль.  
Межь Горцевъ, плѣнникъ наблюдалъ

\*

Ихъ вѣру, нравы, воспишанье,  
Любилъ ихъ жизни простошу,  
Госпепрїимспво, жажду брани,  
Движеній вольныхъ быспрошу,  
И легкосшь ногъ, и силу длани;  
Смошрѣль по цѣлымъ онъ часамъ,  
Какъ иногда Черкесь проворной,  
Широкой спешью, по горамъ,  
Въ космашой шапкѣ, въ буркѣ черной,  
Къ лукъ склонясь, на спремена  
Ногою спройной опираясь,  
Лешаль по волѣ скакуна,  
Къ войнѣ заранѣ прїучаясь.  
Онъ любовался красошой  
Одежды бранной и простой.  
Черкесь оружіемъ обвѣшенъ;  
Онъ имъ гордился, имъ ушѣшенъ:  
На немъ броня, пищаль, колчанъ,  
Кубанскій лукъ, кинжаль, арканъ,  
И шашка, вѣчная подруга  
Его шрудовъ, его досуга.  
Ни что его не шягошишь,

Ни что не брякнешь: пѣшій, конный —  
Все шопь же онъ ; все шопь же видь  
Непобѣдимый, непреклонный.  
Гроза безпечныхъ Козаковъ,  
Его богатство — конь решивый,  
Пишомецъ горскихъ шабуновъ,  
Товарищъ вѣрный, шерпѣливый.  
Въ пещерѣ иль правѣ глухой  
Коварный хищникъ съ нимъ шаишся,  
И вдругъ, внезапною спрѣлой,  
Завидя пушника, спремишся;  
Въ одно мгновенье вѣрный бой  
Рѣшишь ударъ его могучій,  
И спрацника въ ущелья горъ  
Уже влечешъ арканъ лешучій.  
Спремишся конь во весь опоръ,  
Исполнень огненной опваги;  
Все пушь ему: болошо, боръ,  
Кусшы, унесы и овраги;  
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжишь,  
Въ пусшыи шопощь раздаешся;  
Сѣдой пошокъ предъ нимъ шумишь —

Онъ въ глубь кипящую несется;  
И пушникъ, брошенный ко дну,  
Глошаетъ мушную волну,  
Изнемогая смерти проситъ  
И зреть ее передъ собой....  
Но мощный конь его — спрѣлой  
На берегъ пѣнисный выноситъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,  
Въ рѣку низверженный грозою,  
Когда на холмахъ целеною  
Лежишь безлунной ночи пѣнь,  
Черкесь на корни вѣковые  
На вѣшви вѣшаешь кругомъ  
Свои доспѣхи боевые,  
Щипь, бурку, панцырь и шеломя,  
Колчань и лукъ — и въ быспры волны  
За нимъ бросаешься пошомъ  
Неушомимый и безмолвный.  
Глухая ночь. Рѣка ревешъ;  
Могучій шокъ его несетъ  
Вдоль береговъ уединенныхъ,

Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,  
Склонясь на копыя, Козаки  
Глядяшъ на темный бѣгъ рѣки —  
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,  
Плывеши оружіе злодѣя....  
О чемъ ты думаешь, Козакъ?  
Вспоминаешь прежни бившвы,  
На смершномъ полѣ свой бивакъ,  
Полковъ хвалебныя молишвы  
И родину?... Коварный сонъ!  
Просише, вольныя спаницы,  
И домъ ошцовъ, и шихій Донъ,  
Война и красныя дѣвицы!  
Къ брегамъ причалилъ шайный врагъ,  
Спрѣла выходишь изъ колчана —  
Взвилась — и падаетъ Козакъ  
Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей  
Черкесь въ отеческомъ жилищѣ  
Сидишь ненаспною порой  
И шлѣюшь угли въ пепелищѣ;



И спрянувъ съ вѣрнаго коня,  
Въ горахъ пуспынныхъ запоздалый,  
Къ нему войдешъ пришлецъ усалый  
И робко сядешъ у огня:  
Тогда хозяйнѣ благосклонной  
Съ привѣпомъ, ласково, вспаешъ,  
И гостю въ чашѣ благовонной  
Чихирь<sup>9</sup> оспрадный подаешъ.  
Подъ влажной буркой, въ сакль дымной,  
Вкушаешъ пушникъ мирный сонъ,  
И ушромъ оспавляешъ онъ  
Ночлега кровь гостепримной.<sup>10</sup>

Бывало въ свѣшлый Баиранъ<sup>11</sup>  
Сберушя юноши полною;  
Игра смѣняешя игрою:  
То полный разобравъ колчанъ,  
Они крылашыми спрѣлами  
Пронзаюшъ въ облакахъ орловъ;  
То съ высоты крурыхъ холмовъ  
Неперцѣливыми рядами,  
При данномъ знакѣ, вдругъ падушъ,

Какъ лани землю поражаютъ,  
Равнину пылью покрываютъ  
И съ дружнымъ шопшомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной  
Сердцамъ рожденнымъ для войны;  
И часпо игры воли праздной  
Игрой жестокой смущены.  
Не рѣдко шашки грозно блещутъ  
Въ безумной рѣзвостп пировъ,  
И въ прахъ лепшатъ главы рабовъ,  
И жены робкія препенутъ.

Но Руской равнодушно зрѣтъ  
Сіи кровавыя забавы.  
Любилъ онъ прежде игры славы  
И жаждой гибели горѣтъ.  
Невольникъ чести безпощадной,  
Вблизи видалъ онъ свой конецъ;  
На поединкахъ швердый, хладной,  
Вспрѣчая гибельный свинець.  
Бышь моженъ, въ думу погруженный,

Онъ время шо воспоминаль,  
Когда, друзьями окруженный,  
Онъ съ ними шумно пироваль...  
Жальль ли онъ о дняхъ минувшихъ,  
О дняхъ надежду обманувшихъ?  
Иль, любопытный, созерцаль  
Суровой проспошы забавы,  
И дикаго народа нравы  
Въ семь вѣрномъ зеркаль чиналь?  
Таиль въ молчаньи онъ глубокомъ  
Движенья сердца своего,  
И на чель его высокомъ  
Не измѣнялось ничего.  
Безпечной смѣлоспи его  
Черкесы грозные дивились,  
Щадили вѣкъ его молодой  
И шопомъ между собой  
Своей добычею гордились.

---

# Ч А С Т Ь II.



---

## ЧАСТЬ II.

Ты ихъ узнала, дѣва горь,  
Воспорги сердца, жизни сладось!  
Твой огненный невинный взоръ  
Высказывалъ любовь и радось.  
Когда швой другъ во шмѣ ночной  
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,  
Сгарая нѣгой и желаньемъ,  
Ты забывала мѣръ земной,  
Ты говорила: плѣнникъ милый,  
Развесели свой взоръ унылый,  
Склонись главою ко мнѣ на грудь,  
Свободу, родину забудь.  
Скрывашься рада я въ пущынь

Съ шобою, царь души моей!  
Люби меня; ни кшо донынѣ  
Не цѣловаль моихъ очей;  
Къ моей поспель одинокой  
Черкесь молодой и черноокой  
Не крался въ пишинѣ ночной;  
Слыву я дѣвою жестокой,  
Неумолимой красой.  
Я знаю жребій мнѣ гошовый:  
Меня отецъ и брашъ суровый  
Немилому продашь хопяшъ  
Въ чужой ауль цѣною злапа;  
Но умолю опца и брапа;  
Не шо — найду кинжаль иль ядъ.  
Непосшижимой, чудной силой  
Къ тебѣ я вся привлечена,  
Люблю себя, невольникъ милой,  
Душа шобой упоена....

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ  
На дѣву спрасшную взираль,  
И полный шажкимъ размышленьемъ

Словамъ любви ея внималъ,  
Онъ забывался: въ немъ пѣснились  
Воспоминанья прошлыхъ дней,  
И даже слезы изъ очей  
Однажды градомъ покапились.  
Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ  
Тоска любви безъ упованья.  
Предъ юной дѣвой наконецъ  
Онъ изліялъ свои спрдаанья.

„Забудь меня; швоей любви,  
Твоихъ воспорговь я не спою.  
Безцѣнныхъ дней не шрашь со мною;  
Другаго юношу зови.  
Его любовь шебѣ замѣнишь  
Моей души печальный хладъ;  
Онъ будепь вѣренъ, онъ оцѣнишь  
Твою красу, швой милый взглядъ,  
И жарь младенческихъ лобзаній,  
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;  
Безъ упоенья, безъ желаній  
Я вяну жершвою спрасшей.



Ты видишь слѣдъ любви несчастной,  
Душевной бури слѣдъ ужасной;  
Оставь меня; но пожалѣй  
О скорбной участи моей!  
Несчастный другъ! зачѣмъ не прежде  
Явилась ты моимъ очамъ,  
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ  
И уповашельнымъ мечтамъ?  
Но поздно! умерь я для счастья,  
Надежды призракъ улетѣлъ;  
Твой другъ привыкъ опъ сладоспращья,  
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ....

„Какъ тяжко мертвыми успами  
Живымъ лобзаньямъ отвѣчаешь,  
И очи полныя слезами  
Улыбкой хладною встрѣчаешь!  
Измучась ревностью напрасной,  
Уснувъ безчувственной душой  
Въ объятяхъ подруги спрассной,  
Какъ тяжко мыслишь о другой!...“

„Когда пакъ медленно, пакъ нѣжно,  
Ты пьешь лобзанія мои,  
И для тебя часы любви  
Проходяшь быспро, безмяшежно;  
Снѣдая слезы въ пишинѣ,  
Тогда, разсѣянный, унылый,  
Передъ собою, какъ во снѣ,  
Я вижу образъ вѣчно милый;  
Его зову, къ нему спремляюсь,  
Молчу, не вижу, не внимаю;  
Тебѣ въ забвеньи предаюсь  
И шайный призракъ обнимаю;  
О немъ въ пуспынѣ слезы лью;  
Повсюду онъ со мною бродишь  
И мрачную тоску наводишь  
На душу сирую мою.

„Оспавъ же мнѣ мои желѣзы,  
Уединенныя мечты,  
Воспомианья, грусть и слезы:  
Ихъ раздѣлишь не можешь ты.  
Ты сердца слышала признанье;

Прости.... дай руку — на прощанье.  
Не долго женскую любовь  
Печалишь хладная разлука:  
Пройдешь любовь, наспанешь скука,  
Красавица полюбишь вновь.“ —

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,  
Сидѣла дѣва молодая:  
Туманный, неподвижный взоръ  
Безмолвный выражалъ укоръ;  
Блѣдна какъ пѣнь, она дрожала;  
Въ рукахъ любовника лежала  
Ея холодная рука;  
И наконецъ любви шоска  
Въ печальной рѣчи излилася.

„Ахъ Руской, Руской! для чего,  
Не зная сердца швоего,  
Тебѣ на вѣкъ я предалася?  
Не долго на груди швоей  
Въ забвеньи дѣва опдыхала;  
Не много радоспныхъ ей дней

Судьба на долю низпослала!  
Придуть-ли вновь когда нибудь?  
Уже ль на вѣкъ погибла радость?....  
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть  
Мою неопытную младость,  
Хотя бь изъ жалости одной,  
Молчаньемъ — ласкою прищворной;  
Я услаждала бь жребій швой  
Забошой нѣжной и покорной;  
Я сберегла бь минуны сна,  
Покой шоскующаго друга;  
Ты не хопѣль.... Но кто жь она,  
Твоя прекрасная подруга?  
Ты любишь, Руской? шы любимъ?...  
Поняшны мнѣ швой спраданья!...  
Проспижь и шы мои рыданья,  
Не смѣйся гореспямъ моимъ.“

Умолкла. Слезы и шпенанья  
Спѣснили бѣдной дѣвы грудь.  
Уста, безъ словъ, роппали пѣни.  
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,

\*

Она едва могладохнуть.  
И пльнникъ, пихою рукою  
Поднявъ несчастную, сказаьъ:  
„Не плачь! И я гонимъ судьбою  
И муки сердца испышалъ.  
Нъшь! я не зналъ любви взаимной:  
Любилъ одинъ, спрадалъ одинъ,  
И гасну я, какъ пламень дымной,  
Забышый средъ пуспыхъ долинъ.  
Умру вдали бреговъ желанныхъ;  
Мнъ будешь гробомъ эша спешъ;  
Тамъ, на коспяхъ моихъ изгнанныхъ  
Заржавишь ппгоспная цъпь...“

Свъшила ночи запмъвались;  
Въ дали прозрачной означались  
Громады свъшлоснъжныхъ горъ;  
Главу склонивъ, пошупя взоръ,  
Они въ безмолвii разспались.

Унылый пльнникъ, съ эспихъ поръ,  
Одинъ окресъ аула бродишь.

Заря на знойный небосклонъ  
За днями новы дни возводишь,  
За ночью ночь во слѣдъ уходишь,  
Вошще свободы жаждешь онъ.  
Мелькнешь-ли серна межъ кустами,  
Проскачешь-ли во мгль сайгакъ:  
Онъ, вспыхнувъ, загремишь цѣпями,  
Онъ ждешь, не крадешся-ль Козакъ,  
Ночный ауловъ разоришель,  
Рабовъ опважный избавишель.  
Зовешь... но все кругомъ молчишь;  
Лишь волны плещущя бушуя,  
И человекъ звѣрь почуя,  
Въ пустыню шемную бѣжишь.

Однажды слышишь Руской плѣнный,  
Въ горахъ раздался кликъ военный:  
„Въ табунъ! въ табунъ!“ Бѣгушь, шумяшь;  
Уздечки мѣдныя гремяшь,  
Чернѣюшь бурки, блещушь брони,  
Кипяшь осѣдланные кони,  
Къ набѣгу весь ауль гошовъ,

**И** дикіе пипомцы брани  
Рькою хлынули съ холмовъ,  
**И** скачущь по брегамъ Кубани  
**С**бирашь насильшвенныя дани.

**У**пихъ ауль; на солнцѣ спящъ  
**У** саклей псы спорожевые.  
**М**ладенцы смуглые, нагіе  
**В**ь свободной рѣзвостп шумящъ;  
**И**хъ прадѣды вь кругу сядящъ;  
**И**зъ шрубокъ дымъ вѣясь синѣешъ.  
**О**ни безмолвно юныхъ дѣвъ  
**З**накомый слушающъ припѣвъ,  
**И** спарцевъ сердце молодѣешъ.

### **ЧЕРКЕСКАЯ ПѢСНЯ.**

**Г.**

**В**ь рѣкѣ бѣжипъ гремучій валь;  
**В**ь горахъ безмолвіе ночное;  
**К**озакъ успалый задремаль,  
**С**клонясь на копіе спальное.

Не спи, Козакъ! во шмѣ ночной  
Чеченець ходишь за рѣкой.

2.

Козакъ плывешь на челнокѣ,  
Влача по дну рѣчному сѣпи.  
Козакъ! упонешь пы въ рѣкѣ,  
Какъ понушь маленькія дѣши,  
Купаясь жаркою порой:  
Чеченець ходишь за рѣкой.

3.

На берегу завѣсныхъ водъ  
Цвѣнушь богатыя спаницы:  
Веселый пляшешь хороводъ.  
Бѣгите, Рускія пѣвицы;  
Слѣщице, красныя, домой:  
Чеченець ходишь за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,  
Мечтаешь Руской о побѣгѣ;  
Но цѣпь невольника паяжа,



Быстра глубокая рѣка....  
Межь пѣмь, померкнувъ, шепеть уснула,  
Вершины скаль омрачены,  
По бѣлымъ хижинамъ аула  
Мелькаешъ блѣдный свѣтъ луны;  
Елени дремлюшь надъ водами,  
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,  
И глухо вшорился горами  
Далекій шопопъ шабуновъ.

Тогда — кого-то слышно спало,  
Мелькнуло дѣвы покрывало,  
И вошь — печальна и блѣдна  
Къ нему приближилась она.  
Усна прекрасной ищущъ рѣчи;  
Глаза исполнены тоской,  
И черной падающъ волной  
Ея волосы на грудь и плечи.  
Въ одной рукѣ блесшишь пила,  
Въ другой кинжалъ ея булатный :  
Казалось, будшо дѣва шла  
На шайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,  
„Бѣги! сказала дѣва горь:  
Ни гдѣ Черкесь тебя не встрѣшишь.  
Спѣши, не шрапъ ночныхъ часовъ;  
Возьми кинжалъ: швоихъ слѣдовъ  
Никшо во мракъ не замѣпишь.“

Пилу дрожащей взявъ рукой,  
Къ его ногамъ она склонилась:  
Визжишь желѣзо подѣ пилой,  
Слеза невольная скапилась —  
И цѣпь распалась и гремишь.  
„Ты волень, дѣва говоришь,  
Бѣги!“ Но взглядъ ея безумный  
Любви порывъ изобразилъ.  
Она спрадала. Вѣшеръ шумный  
Свиспя, покровъ ея клубилъ.  
„О другъ мой! Руской возопилъ,  
Я швой на вѣкъ, я швой до гроба.  
Ужасный край ославимъ оба,  
Бѣги со мной...“ — „Нѣшь, Руской, нѣшь!  
Она исчезла, жизни сладоспъ;

Я знала все, я знала радость,  
И все прошло, пропала и слѣдъ.  
Возможно ль? ты любилъ другую!...  
Найди ее, люби ее;  
О чемъ-же я еще поскокую?  
О чемъ уныніе мое?...  
Проспи! любви благословенья  
Съ побою будущъ каждый часъ.  
Проспи — забудь мои мученья,  
Дай руку мнѣ.... въ послѣдній разъ.“

Къ Черкешенкѣ просперъ онъ руки,  
Воскресшимъ сердцемъ къ ней лепѣль,  
И горькій поцѣлуй разлуки  
Союзъ любви запечатлѣль. —  
Рука съ рукой, унынья полны  
Сошли ко берегу въ пишинѣ —  
И Руской въ шумной глубинѣ  
Уже плыветъ и пѣнишь волны,  
Уже прошивныхъ скалъ доспигъ,  
Уже хвапается за нихъ....  
Вдругъ, волны глухо зашумѣли,

И слышекъ опдаленный спонь....  
На дикій брегъ выходилъ онъ,  
Глядишь назадъ... брега ясныли  
И опъненные бълъли;  
Но нъшь Черкешенки молодой  
Ни у бреговъ, ни подъ горой....  
Все мертво.... на берегахъ уснувшихъ  
Лишь въпра слышенъ легкій звукъ,  
И при лунъ, въ водахъ плеснувшихъ  
Спруиспый исчезаешъ кругъ.

Все понялъ онъ. Прощальнымъ взоромъ  
Объемлешъ онъ въ послѣдній разъ  
Пустой аулъ съ его заборомъ,  
Поля, гдѣ плънный спадо пасъ,  
Сспремнины, гдѣ влачилъ оковы,  
Ручей, гдѣ въ полдень опдыхалъ,  
Когда въ горахъ Черкесь суровый  
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдълъ на небѣ мракъ глубокой,  
Ложился день на темный долъ,

Взошла заря. Тропой далекой  
Освобожденный плѣнникъ шель,  
И передъ нимъ уже въ шуманахъ  
Сверкали Рускіе шпыки,  
И окликались на курганахъ  
Сшорожевые Козаки.

---

Такъ Муза, легкой другъ мечпы,  
Къ предѣламъ Азіи лепала  
И для вѣнка себѣ срывала  
Кавказа дикіе цвѣшы.  
Ее плѣнялъ нарядъ суровой  
Племень, возросшихъ на войнѣ,  
И часто въ сей одеждѣ новой  
Волшебница являлась мнѣ;  
Вокругъ ауловъ опущѣлыхъ  
Одна бродила по скаламъ  
И пѣснямъ дѣвъ осирошѣлыхъ  
Она прислушивалась шамъ;

Любила бранныя спаницы,  
Тревоги смѣлыхъ Козаковъ,  
Курганы, шихія гробницы,  
И шумъ, и ржанье шабуновъ.  
Богиня пѣсень и разказа,  
Воспоминанія полна,  
Бышь можешь, повторишь она  
Преданья грознаго Кавказа;  
Разкажешь повѣсть дальныхъ справъ,  
*Мстислава* <sup>12</sup> древній поединокъ,  
Измѣны, гибель Россіянъ  
На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ:  
И воспою шопъ славный часъ,  
Когда, почуя бой кровавый,  
На негодующій Кавказъ  
Подъялся нашъ орель двуглавый;  
Когда на Терекъ съдомъ  
Впервыя грянуль бипвы громъ  
И грохошъ Рускихъ барабановъ,  
И въ съчь, съ дерзоспнымъ челомъ  
Явился пылкій Циціановъ.  
Тебя я воспою, герой,

**О Копляревскій! бичь Кавказа,  
Куда ни мчался ты грозой —  
Твой ходъ, какъ черная зараза,  
Губиль, ничтожилъ племена...  
Ты днесъ покинулъ саблю меспи  
Тебя не радуешь война;  
Скучая миромъ, въ язвахъ чеспи,  
Вкушаешь празднѣй ты покой  
И пишину домашнихъ доловъ....  
Но се — Воспокъ подъемлешь вой!...  
Поникни снѣжною главой,  
Смирись, Кавказъ! идешь Ермоловъ!**

И смолкнулъ ярый крикъ войны:  
Все Рускому мечу подвласпно.  
Кавказа гордые сыны,  
Сражались, гибли вы ужасно;  
Но не спасла васъ наша кровь,  
Ни очарованныя брони,  
Ни горы, ни лихіе кони,  
Ни дикой вольности любовь!  
Подобно племени Башыя,

**Измѣнишь правдамъ Кавказъ,  
Забудешь алчной брани гласъ,  
Оставишь стрѣлы боевыя.  
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,  
Подъѣдешь пушникъ безъ боязни,  
И возвѣспяшь о вашей казни  
Преданья шѣмныя молвы.**

**К О Н Е Ц Ъ.**





## П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

Издатели присовокупляють портретъ Авшора, въ молодости съ него рисованный. Они думаютъ, что пріятно сохранишь юныя черты Поэпа, кошораго первыя произведе- нія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ.

---

1. *Бешту*, или правильнѣе *Бештау*, Кавказ- ская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Из- вѣсна въ нашей Исторіи.

2. *Ауль*. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

3. *Уздень*, начальникъ или князь.

4. *Шашка*, Черкеская сабля.

5. *Сакля*, жижина.

6. *Кульмьс* дѣлается изъ кобыльаго молока: напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ вкусу и почитается весьма здоровымъ.

7. Счастливыи климатъ Грузіи не вознагра- ждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія,

вѣчно ею прешерпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большой часпи заунывны. Онѣ славяшъ минушныя успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ, Бакунина и Циціанова, измѣны, убійства — иногда любовь и наслажденія.

8. Державинъ, въ превосходной своей Одѣ Графу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ спрѣвахъ дикія каршины Кавказа:

О юный вождь! — сверша походы,  
 Прощель ты съ воинствомъ Кавказъ,  
 Зрѣль ужасы, красы природы:  
 Какъ съ ребрь шамъ спрашныхъ горъ лясъ,  
 Ревуть въ мракъ безднь сердишы рѣки;  
 Какъ съ чель ихъ съ грохошомъ снѣга  
 Падушъ, лежавши цѣлы вѣки;  
 Какъ серны, внизъ склонивъ рога,  
 Зряшъ въ мглѣ спокойно подь собою  
 Рожденье молній и громовъ.

\* \* \*

Ты зрѣль, — какъ ясною порою  
 Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,  
 Средь водъ, играя, отражаясь,  
 Великолѣпный кажущъ видъ;  
 Какъ, въ разноцвѣшныхъ разсѣваясь  
 Тамъ брызгахъ, шонкій дождь горить;  
 Какъ глыба шамъ сизояншарна,  
 Навѣясь, смошришь въ темный боръ;  
 А шамъ заря злашобагряна  
 Сквозь лѣсъ увеселяешъ взоръ.

**Жуковскій**, въ своемъ Посланіи къ Г. Воейкову, также посвящаепъ нѣсколько прелесныхъ стиховъ описанію Кавказа :

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быспромъ бѣгѣ  
 Межъ виноградниковъ шумѣлъ,  
 Гдѣ, часто прихаясь на брегѣ,  
 Чеченецъ иль Черкесь сидѣлъ,  
 Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;  
 И въ далекѣ передъ шобой,  
 Одѣшы голубымъ шуманомъ,  
 Гора вздымалась надъ горой,  
 И въ сонмѣ ихъ гиганшъ съдой,  
 Какъ шуча, Эльборусъ двуглавою.  
 Ужасною и величавою  
 Тамъ все блискаетъ красотою:  
 Ушесовъ мшистыя громады,  
 Бѣгущи съ ревомъ водопады  
 Во мракъ пучинъ съ гранишныхъ скалъ;  
 Лѣса, кошорыхъ сна опъ вѣка  
 Ни спужь сѣкирь, ни человекъ  
 Веселый гласъ не возмуцалъ,  
 Въ кошорыхъ сумрачныя сѣни  
 Еще лучъ дневный не проникъ,  
 Гдѣ изрѣдка одни елени,  
 Орла слышавъ грозный крикъ,  
 Тѣснясь въ толпу, шумяшь вѣшьями,  
 И козы легкими ногами  
 Перебѣгаюшь по скаламъ.  
 Тамъ все являешся очамъ  
 Великолѣпіе шворенья!  
 Но шамъ — среди уединенья

Долинь, шаящихся въ горахъ —  
 Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,  
 И Абазехъ, и Камуцинецъ,  
 И Корбулакъ, и Албазинецъ,  
 И Чечереецъ, и Шапсукъ.  
 Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,  
 И конь — сорашникъ быспроногій,  
 Ихъ и сокровища и бои;  
 Какъ серны скачуть по горахъ,  
 Бросають смерть изъ - за ушеса;  
 Или по шопкимъ берегамъ,  
 Въ правъ высокой, въ чащѣ лѣса  
 Разсыпавшись, добычи ждуть;  
 Скалы свободы ихъ пріюсть.  
 Но дни въ аулахъ ихъ бредуть  
 На коштыляхъ угрюмой лѣни:  
 Тамъ жизнь ихъ — сонъ; спѣснясь въ кружокъ,  
 И въ братскій съ табакомъ горшокъ  
 Вонзивши чубуки, какъ шѣни  
 Въ дыму клубящемся сидяшь  
 И объ убійствахъ говоряшь;  
 Иль хваляшь мѣшкія пищали,  
 Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;  
 Иль сабли на кремняхъ оспрашь,  
 Готовясь на убійства новы.

### 9. Чихирь, красное Грузинское вино.

10. Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, опличаются предъ нами госпепримствомъ. Госпѣ спановишся для нихъ священною особою. Предашь его или не защищаешь, почиается межъ ними за величайшее безчестіе. *Клунакъ* (ш. е.

пріятель, знакомецъ) опвѣчаетъ жизнию за вашу безопасносшь, и съ нимъ вы можете углубишься въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

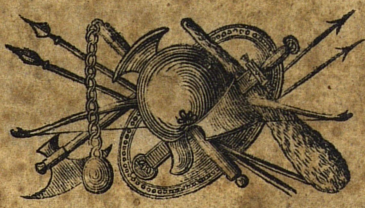
11. *Байранъ* или *Байрамъ*, праздникъ розговѣнья. *Рамазанъ* Музульманскій постъ.

12. Мспиславъ, сынъ Св. Владиміра, прозванный *Удалымъ*, удѣльный Князь Тмушаракана (оспр. Тамань). Онъ воевалъ съ Косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ Князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.*

---

23  $\frac{1}{78}$

Кавк. п. 1825



293